

Д. Н. Старостин
**Трапезундская экспедиция
1916–1917 гг.**

Трапезундская экспедиция 1916–1917 гг. — один из интереснейших эпизодов в истории русской археологии. Она была предпринята в сложной исторической обстановке: шла Первая мировая война, и от ситуации, складывавшейся в Турции, зависели судьбы не только балканских государств, но и в целом результат военных действий. Юго-восточное направление и, в частности, Балканы было одним из важнейших во внешней политике России. Причина — проливы Босфор и Дарданеллы, открывавшие выход из Черного моря в Средиземное. В результате расстановки сил, сложившейся в Европе во второй половине XIX и первом десятилетии XX в., Россия, будучи частью Антанты, являлась союзником Англии и Франции. Российская империя традиционно поддерживала стремление славянских государств на Балканах и Греции освободиться от власти Османской империи. Турция, несмотря на традиционно сильные связи французской и турецкой дипломатии, к началу Первой мировой войны стала союзником Германии и Австрии. С началом боевых действий в Европе Турция объявила России войну. Исходя из вышесказанного, Трапезундская археологическая экспедиция приобрела характер не только научной, но и в определенной мере политической, поскольку являлась частью событий, сопровождавших действия России в Первой мировой войне.

**Старостин
Дмитрий Николаевич,**
*кандидат
исторических наук,
старший
преподаватель,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)*

Трапезундская операция должна была способствовать военному разгрому Турции или, по крайней мере, установлению контроля над частью ее территории. Наступление на Трапезунд было предпринято Приморским отрядом генерала В. Н. Ляхова в январе – апреле 1916 г. и явилось следствием необходимости обезопасить правый фланг в ходе Эрзрумской операции. К тому же, через порт Трапезунд турки получали подкрепление.

В начале апреля 1916 г. после упорных боев Приморский отряд, состоявший из 15 тыс. чел., вышел к укрепленной турецкой позиции на подходах к Трапезунду. Здесь наступавшие морем получили

подкрепление (две пластунские бригады численностью 18 тыс. чел.), после чего начали штурм Трапезунда. Солдаты форсировали бурную холодную реку и под прикрытием флотской артиллерии выбили турок из окопов. 5 апреля русские войска вступили в оставленный турецкой армией Трапезунд, а затем продвинулись в западном направлении. Со взятием Трапезунда улучшились условия базирования Черноморского флота, а правый фланг Кавказской армии смог беспрепятственно получать подкрепление морем¹.

Трапезундская экспедиция — яркий пример того, как в сложившихся обстоятельствах российские ученые смогли использовать политическую и военную ситуацию и извлечь из нее максимальную пользу для продвижения своих научных занятий и для развития русской византистики в частности. Все понимали, что изучение Трапезунда могло дать материал, относившийся только к периоду заката Византийской империи; главной же целью ученых по-прежнему оставался Константинополь, как центр культуры и научной деятельности. Об этом свидетельствует докладная записка известного ученого директора Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенского, по прочтении которой очевидно, что он не оставлял надежд на занятие русской армией Царьграда².

По сравнению с бывшей столицей Восточно-Римской, а затем и Византийской империи, Трапезунд в течение долгого времени оставался одной из сравнительно глухих провинций Римской империи. В поздней Античности здесь проходила граница империи, которая была снабжена хорошими дорогами, но имела сравнительно мало гарнизонов. Стратегия римской армии в этом регионе заключалась в том, чтобы бороться с врагами с помощью мобильных отрядов, которые могли быстро перебазироваться в тот сегмент границы, который в данный момент находился в наибольшей опасности. Но римские императоры обходили эти края стороной и редко посещали их³. До XI–XII вв. Византия, при всей своей заинтересованности в Малой Азии и в регионах, которые являлись границей между эллинистическим миром и провинциями бывшей персидской империи, обращала свое внимание в первую очередь на коридор, проходивший через Антиохию и связывавший Малую Азию с Ближним Востоком, прежде всего с Сирией и Палестиной. Таким образом, Трапезунд и в этот период оставался в стороне.

Создание и расцвет Трапезундской империи приходится на эпоху после образования Латинской империи в Константинополе (1204 г.)⁴. Последняя находилась в весьма опасном положении, будучи окружена со стороны Малой Азии турками, с севера сербами и болгарами, венецианцами (на островах Архипелага), генуэзцами (пункты на Черном море) и латинскими рыцарями на Пелопоннесе и части Средней Греции. После завоевания Константинополя крестоносцами регион Трапезунда освободился от давления, которое оказывали на него византийские императоры, и зажил своей жизнью. Именно на этот период приходится расцвет Трапезундской империи. Ее существование было экономически оправдано, ведь она явилась результатом активности, возникшей на торговых путях между Северным Причерно-

морьем и Закавказьем, с одной стороны, и регионами Малой Азии, прежде всего Анатолией и Сирией, с другой⁵.

Михаил VIII Палеолог (1261–1282), отвоевав Константинополь у латинян, не смог собрать все греческие центры: Трапезундская империя отделилась и начала самостоятельное существование⁶. В последующий период на окраине Малой Азии сосуществовали два греческих государства локального значения: Никейская «империя» и Трапезундская «империя». Ни одна из них не могла остановить натиск сельджукских султанов. Трапезундский «император» признавал себя их вассалом и платил им ежегодную дань.

В глобальном контексте развития цивилизационных процессов Трапезундскую империю можно рассматривать как результат распада единства Средиземноморского пространства и смещения центров экономической, политической и культурной жизни из старых центров (Италии, Константинополя) в новые периферийные центры. Этот процесс одновременно набирал силу в Западном Средиземноморье и в Византии в XIII–XIV вв.⁷

По причине своего позднего расцвета регион Анатолии и Трапезунда не мог предоставить много информации относительно ранней истории Византии. Большинство построек, которые можно было найти в окрестностях Трапезунда, а также большинство христианских культурных ценностей (книг и предметов культа), которые сохранились в монастырях этого региона, относятся к периоду правления последних императоров из династии Комнинов и захватывают поздний период истории Византии. Исследования трапезундских церквей показали, что их украшения и фрески относятся к десятилетию, непосредственно предшествовавшему падению Константинополя в 1453 г. Так, в одном из зданий (каком именно — определить невозможно в силу конспективного характера записей Ф. И. Успенского) была обозначена дата росписи — 1442 г.⁸

Тем не менее, Ф. И. Успенский сразу увидел открывшиеся возможности. Его отношение к делу исследования и сохранения памятников византийской истории в Турции наглядно демонстрирует докладная записка графу П. Н. Игнатьеву, написанная 18 апреля 1916 г., сразу после занятия Трапезунда, но так и не поданная. Академик ходатайствовал не только о срочном создании экспедиции, но и о подключении к этим занятиям Русского Археологического Института в Константинополе. Неизвестно, какую роль он предполагал отвести сотрудникам, но из текста записки очевидно, что ученый хотел оговорить свои возможности в деле сохранения и изучения исторических памятников на захваченной территории Турции:

«Милостивый государь граф Павел Николаевич [Игнатьев],

Имея в виду, что командирование лиц, избранных Академией Наук и русским Археологическим обществом для посылки в Трапезунд встречает неожиданное затруднение, а равно принимая во внимание, что заседание с разрешением этого вопроса наносит существенный ущерб самому делу, ради которого предположена посылка, нахожу справедливым

ходатайствовать перед Вашим Сиятельством о распоряжении поручить директору русского археологического института в Константинополе приступить к исполнению его обязанностей на турецком фронте. Прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности»⁹.

Характер записки свидетельствует, что интерес к организации Археологической экспедиции в Трапезунд проявляли на самом высоком уровне — ведь П. Н. Игнатьев был в тот момент времени министром народного просвещения. Сохранение исторических памятников на территориях, находящихся под контролем русской армии, было важной задачей, которой уделяли много внимания власти. Ведь в войне, которую английские и французские газеты нарекли сражением, где цивилизованные страны сражались против тевтонского варварства, важны были не только военные успехи, но и облик России как цивилизованной страны. Именно поэтому во многих областях, где шла война (Польша и Прибалтика), власти создавали структуры, главной задачей которых было сохранение культурного наследия завоеванных территорий¹⁰.

Название экспедиции, «археологическая», было отчасти номинальным. Главной задачей ее было описание памятников старины и их сохранение, а раскопки если и предполагались, то по мере возможностей. В своем наброске, сделанном для доклада на заседании Московского общества археологов, Ф. И. Успенский писал о «седой старине и памятниках», и в частности, об «остатках прежнего величия: Кремле, стенах, средневековых постройках»¹¹.

Этот доклад, озаглавленный «Задачи русской археологии в Трапезунде», свидетельствует о том, что экспедиция Ф. И. Успенского преследовала не только научные, но и политические цели. Единственная часть черновика доклада, которая была подробно расписана, была посвящена как раз политическим аспектам возможности исследования Трапезунда: «С занятием Трапезунда мы достигли значительного успеха в политическом отношении. Здесь мы вошли в соприкосновение с самой дисциплинированной политической силой, которой принадлежит бесспорное влияние по всей береговой полосе Анатолии. Кроме того, вступив в Т[рапезунд], мы овладели столицей империи, имевшей важные политические задачи и обширную миссию»¹².

Чутко улавливавший политическую обстановку, Ф. И. Успенский также оставил две фразы в черновике, которые говорят о том, что он, возможно, знал или предполагал существование планов по разделу территории Турции и созданию независимого государства с центром в Трапезунде. Вероятно, именно об этом говорит фраза «Возможность прецедентов в истории»¹³.

Ф. И. Успенский дважды посещал Трапезунд с длительными командировками. О характере исследований, которые он организовывал, свидетельствует отчет, представленный им в Академию Наук. В частности, он писал, что была «выявлена историческая и художественная ценность» трех христианских памятников-церквей, обращенных в мечети: 1) Св. Софии,

2) Панагии Златоглавой, 3) Св. Евгения¹⁴: «Общество древней письменности. 28 сент. 1922 г. Кремль трапезундский. Северная башня и ее роспись. План города. Кремль. Средний и нижний город. Как ориентируется город. С юга на север, ограничиваем на востоке и западе глубоким рвом, по бокам которого шли стены»¹⁵.

Во время своих визитов Ф. И. Успенский должен был решать не только научные, но и административные вопросы. Об этом говорит его записка, посвященная вопросу охраны и реставрации одной из православных церквей города, использовавшихся турецким населением как мечети: «Дело переходило от районного начальника в строительную дружину и городскую думу, которые уклонялись от расходов по ремонту, хотя и располагали в своем бюджете суммой на охрану памятников. Чтобы облегчить разрешение вопроса, я заявил, что расходы принимаю на средства археологической экспедиции. Таким образом, первостепенный и в своем роде единственный памятник, которому местное греческое общество не сможет иначе относиться как к национальному достоянию, предохранен был от угрожавшего ему разрушения на русские средства! — Памятник обнесен по моему ходатайству железной решеткой, доставленной городским управлением из своих складов»¹⁶.

Однако проблема сохранения культурного наследия, как видно из отчета Ф. И. Успенского о поездках, представленного в Академию Наук в 1917 г., оказалась неразрешимой: «В особый закавказский комитет. Имею честь просить внимания комитета государственное значение коего постепенно выясняется для меня по мере углубления в дело, возложенное на меня правительством. Уже второе лето занимаясь в Трапезунде и его окрестностях археологическими памятниками и принимая меры к регистрации и охране их, насколько это допускает военное положение в стране и поскольку военные интересы не преобладают над требованиями археологии, я неоднократно приходил в крайнее смущение перед вопросом: как охранить предметы искусства, рукописи, книги и проч. от расхищения и порчи в то время, когда ключи от памятников — разумеются прежде всего мусульманские мечети, обращенные в таковые из христианских церквей — находятся не в ведении археологической экспедиции, и когда доступ в мечети, как это было в прошлом году в мае и как повторилось в нынешнем 1917 году в июне, был открыт для всех уже в силу того простого факта, что двери в мечетях были сняты (св. София), ключей и запоров не было совсем, хотя двери поправлялись и замки покупались несколько раз в год. Неизбежность и повторяемость взлома запоров и проникновение в мечети посредством выемки железных прутьев в окнах, где представлялись трудности для взлома дверей, есть факт слишком общеизвестный в Трапезунде, равно как и порча, расхищение и продажа книг и рукописей и разных предметов искусства»¹⁷.

Ф. И. Успенский бывал в Трапезунде наездами, летом 1916 и 1917 г. Однако после Февральской революции, положившей конец самодержавию, перед Временным правительством и властями других уровней встал вопрос об организационном оформлении экспедиции.

То, что раньше делалось за счет авторитета отдельных влиятельных академиков, поддерживавших теплые личные отношения с представителями государственной верхушки, в новой политической ситуации потребовало бюрократического оформления. Его осуществили в начале марта 1917 г., когда И. Я. Стеллецкий, известный археолог, преподававший в Археологическом институте в Москве, стал главой «Археологического отдела при Генерал-Губернаторстве областей Турции, занятых по праву войны». В своей докладной записке в мае 1917 г. он писал о деятельности отдела за первые три месяца его существования:

«Господину комиссару военного генерал-губернаторства областей Турции, занятых по праву войны.

В целях всестороннего ознакомления Вашего с деятельностью Археологического Отдела при Военном Генерал-Губернаторстве за первые три месяца существования Отдела, имею честь представить вниманию Вашему “Историческую записку” о деятельности названного отдела, с приложением: 1) Обязательного постановления. 2) Циркуляра 3) Объяснительной записки 4) Программы по собиранию сведений о памятниках древности 5) Проекта военно-археологической экспедиции в завоеванные области Турции»¹⁸.

И. Я. Стеллецкий описал также историю экспедиции: «Целью указанного прикомандирования было поручение мне, как лицу, компетентному, по званию ученого археолога и лектора Московского археологического института, в вопросах археологии и снабженному, кроме того, открытыми листами названного института и Московского археологического общества, — заведывания археологическим отделом при Военном Генерал-Губернаторстве.

Установление названного отдела диктовалось самою жизнью.

Военные действия на Кавказском фронте, в районе древнейшей колыбели цивилизации человечества, не могли не поставить на очередь с особенною остротою вопрос об охране многочисленных здесь вещественных и письменных памятников древности...

Военное Генерал-Губернаторство областей Турции, занятых по праву войны, считало нравственным долгом, со своей стороны, принимать неотложные меры в этом направлении»¹⁹.

И. Я. Стеллецкий настаивал на организации именно военно-археологической экспедиции. 20 мая 1917 г. он писал: «Побуждаемый сознанием долга перед наукой, позволяю себе обратиться к Вам с горячим призывом помочь делу организации археологической экспедиции на фронте, или похоронить саму идею ее.

Почему я настаиваю на неотложном археологическом обследовании района, прежде всего, передовых позиций, а также почему проектируемая экспедиция должна быть по преимуществу, если не исключительно, военной — ответ на это содержится в представленном Вам проекте экспедиции.

Единоличный голос в защиту такого типа экспедиции, конечно, слаб. Поэтому я перенес обсуждение вопроса на состоявшееся 18 мая с/г. соединенное заседание представителей

местных ученых обществ, заинтересованных в организации научной экспедиции в завоеванные области Турции»²⁰.

Но не только архитектурные памятники были основной целью экспедиции. Ее участников интересовали рукописи, документы, а также собственно археологические находки, такие как пещеры. Об этом говорится в следующем сообщении И. Я. Стеллецкого: «...я пришел к убеждению, что упоминаемые полицмейстером турецкие архивы представляют новооткрытые собрания архивных документов, с регистрацией и изучением коих необходимо поспешить.

В своем докладе, от 24 марта 1917 г., за № 14, военному Генерал-Губернатору, высказав вышеприведенные соображения, я указал далее на необходимость «установить точное количество документов. Далее с помощью местных мулл и софи (вероятно, имеются в виду духовные авторитеты суфийских общин) определить основной характер их содержания — церковный и светский. Наконец, подвергнуть, если не все, то более ценные по древности и сохранности экземпляры хотя бы беглому палеографическому описанию...

Кроме того, я находил возможным и желательным попутно в Гассан-Кале, произвести исследование нашумевшего кургана, давшего в руки хищников сенсационные находки; в Эрзеруме — обследование подземных сооружений, а в его окрестностях — осмотр и сохранившихся памятников древности»²¹.

К сожалению, многим планам организаторов экспедиции не суждено было сбыться. Большинство рукописей подверглись разграблению. Возможно по этой, а также по ряду других причин, от экспедиции в архиве осталось сравнительно небольшое количество материалов. Их основу составляют планы и обмеры церквей и копии росписей на стенах, а также фотографии видов Трапезунда и основных его достопримечательностей. Рукописи и документы, о сохранении которых так заботились Ф. И. Успенский и И. Я. Стеллецкий, до нас не дошли.

Несмотря на ограниченность результатов, работа, проделанная Трапезундской экспедицией, является интересным примером того, как академическая наука могла отвечать на вызовы времени, не теряя при этом своей цельности, а также успешно выстраивать взаимоотношения между исследователями и властями в чрезвычайных условиях военного времени.

¹ Трапезундская операция // Советская военная энциклопедия: В 8 т. / Под ред. А. А. Гречко и др. Т. 8. М., 1976. С. 97; Корсун Н. Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М., 1946. С. 76.

² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФА РАН). Ф. 1. Оп. 1а-1915. Д. 162. Л. 64–69.

³ Mitchell S. *Anatolia: Land of Gods*. Vol. 1. *The Celts in Anatolia and the impact of Roman rule*. Oxford, 1993. P. 120–125.

⁴ Vasiliev A. *A History of the Byzantine Empire, Vol 2. 324–1453*, 2nd edition. Madison, 1958. P. 506

⁵ Капнов С. П. Трапезундская империя и Западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 21–25.

⁶ Васильев А. А. История Византийской империи: От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998. С. 255–257.

⁷ Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. Paris, 1966. 2 vols. Vol. 1. P. 508–510; Braudel F. Civilization and capitalism, 15th – 18th century. Vol. 3. The perspective of the world. London, 1982. P. 116–117, 137.

⁸ СПбФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

⁹ Там же. Д. 5. Л. 2.

¹⁰ Соболев В. С. Для будущего России. СПб., 1999. С. 54.

¹¹ Черновик с пометой «Моск. Арх. Общество. 27 янв. 1917» // СПбФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2 об.

¹² СПбФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 2 об.

¹⁴ Оттиск: «Приложение к протоколу X заседания Отделения Исторических наук и филологии Императорской Академии Наук 21 сент. 1916 г.» С. 1465 // Там же. Д. 2. Л. 6.

¹⁵ Там же. Д. 3. Л. 8.

¹⁶ Там же. Л. 10.

¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 17.

¹⁸ Там же. Д. 1. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 29–29 об.

²¹ Там же. Л. 4.

УДК 94(47)

Старостин Д. Н. Трапезундская экспедиция (1916–1917 гг.) // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 283–291.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются события из истории Трапезундской экспедиции (1916–1917 гг.), целью которой было исследование и сохранение византийских памятников в завоеванном русскими войсками Трапезунде. Участники данной экспедиции столкнулись с совершенно новыми, отличными от ранее исследованных отечественными византистами историческими памятниками и документами. Трапезундская империя появилась в результате распада Византии после завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г., и, как следствие, ее культура и памятники отличались от типически византийских, константинопольских. В статье на основании докладных записок и записей академика Ф. И. Успенского рассматриваются цели экспедиции и ее основные результаты. В частности, делается вывод о том, что Ф. И. Успенский, по-видимому, хорошо ориентировался в политической ситуации, знал о планах раздела Турции, и, вероятно, имел надежды на присоединение этой части Османской империи к России, что дало бы возможность фундаментального исследования находящихся в Трапезунде памятников в спокойной, невоенной обстановке. В статье показывается, что одной из основных проблем, стоявших перед участниками экспедиции, было убедить местное население относиться к памятникам византийской культуры более ответственно, а также описываются усилия, предпринятые для сохранения исторического и культурного наследия Трапезунда. На основании дошедших до нас оригинальных документов и записей участников экспедиции делается вывод о том, что они вынуждены были работать в достаточно сложной обстановке, так как сил для описания всех средневековых византийских грамот и памятников не хватало. Поскольку Ф. И. Успенский и его коллеги не рассчитывали на то, что вынуждены будут быстро эвакуироваться, многие цели экспедиции не были выполнены, а некоторые документы, найденные в результате кропотливых исследований, утеряны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Трапезундская экспедиция, Трапезундская империя, история отечественной науки, история исторической науки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); starostin.dmitry@gmail.com

Starostin D. N. Russian Trabizon Expedition (1916–1917)

ABSTRACT: The article describes the events from the history of the Trabizon expedition (1916–1917), organized by the Imperial Academy of Sciences upon the request of the Russian Caucasian front after the capture of a historically important city of Trabizon, the capital of the namesake empire (1204–1461). In the article the main tasks of the expedition are addressed and it is emphasized that its participants faced a difficult task because they dealt with the region that was almost completely unknown to Russian historians of Byzantium and whose culture different from that of the classical Byzantium of Constantinople, West and Central Asia Minor, Antioch, as well as of Palestine and Egypt. The Trabizon empire appeared after the fall of Constantinople to Crusader forces in 1204, and hence it was a different cultural world that that of typical Byzantium described above. The article describes the character and the everyday problems of functioning of the expedition, whose main purpose was to preserve and investigate the original monuments and documents of the Trabizon empire. The article suggests that academician F. I. Uspensky, the head of the expedition, held high hopes for the eventual split of the Ottoman empire and the annexation of Trabizon and its area to the Russian empire. The article also shows that because the members of the expedition could not foresee that they would have to evacuate in about a year, the proposed plan of action brought very little results. Few monuments were described and studied and most of the medieval documents were lost.

KEYWORDS: Trabizon expedition of the Russian Empire (1916–1917), Trabizon Empire, history of Russian science, history of history writing.

AUTHOR: Candidate of History, lecturer, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); starostin.dmitry@gmail.com

REFERENCES:

- ¹ Трапезундскаиа оператцииа' in *Sovetskaia voennaia entsiklopediia*, 8 vol., Ed. by A. A. Grechko and oth. (Moscow, 1976).
- ² Korsun N. G. *Pervaia mirovaia voina na Kavkazskom fronte* (Moscow, 1946).
- ³ Mitchell S. *Anatolia: Land of Gods. Vol. 1. The Celts in Anatolia and the impact of Roman rule* (Oxford, 1993).
- ⁴ Vasiliev A. A. *A History of the Byzantine Empire*, Vol 2. 324–1453, 2nd edition (Madison, 1958).
- ⁵ Karpov S. P. *Trapezundskaia imperiia i Zapadnoevropeiskie gosudarstva v XIII–XV vv.* (Moscow, 1981).
- ⁶ Vasiliev A. A. *Istoriia Vizantiiskoi imperii: Ot nachala Krestovyx pokhodov do padeniia Konstantinopolia* (St. Petersburg, 1998).
- ⁷ Braudel F. *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*, 2 vols (Paris, 1966).
- ⁸ Braudel F. *Civilization and capitalism, 15th – 18th century*. Vol. 3. The perspective of the world (London, 1982).
- ⁹ Sobolev V. S. *Dlia budushchego Rossii* (St. Petersburg, 1999).